

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

С.В. Нуреева*

КОНСТАНТЫ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В РОССИИ В XIX ВЕКЕ

Ключевые слова: консерватизм, самодержавие, православие, народность, традиция, константа.

Nureeva S.V. Statehood constants in the 19th century Russia

Now the Russian society needs consolidation which is impossible without finding of its uniting national idea. The existence of the valid national idea gives the society and the state a chance to define the direction of the movement. It can't be made up, it lives in the depths of the national consciousness and is reflected in the heritage of the Russian thought. Without its understanding, it is impossible to solve pressing legal problems, to keep national and state identity.

The domestic political and legal thought is always focused on the search of an invariant (constant) formula of the Russian national statehood. Within the centuries, society and the state of Russia was guided by the national idea based on the Orthodoxy, patriotism, national unity, the supremacy of the autocratic power. This idea is expressed by the well-known formula of S. S. Uvarov: «Orthodoxy. Autocracy. Nationality», and it found viability and continuity during various periods of the Russian history, even when the state became secular, the population – atheistic, and the power – Soviet. This formula of the power arouses no smaller interest at present time.

Проблема определения констант государственности является объектом изучения гуманитарных наук: политологии, социологии, истории политических и правовых учений, философии. Константы отличаются разнообразием проявления, что порождает активные попытки их осмысления и прогнозирования современной наукой, особенно применительно к меняющейся российской действительности. Константа как ценность является неотчуждаемой и общей и рушится в тот момент, когда перестают быть общими для всех постоянные ценности, обусловленные константой. Эти ценности невозможны без общества как такового, но в своем существовании они возможны отдельно от каждого человека. Разберемся с этимологией слова константа. Само слово константа является заимствованным из латинского языка *constans* (*constantis*), в переводе – постоянный, постоянная величина¹, то же самое определение слова дает

© Нуреева С.В., 2012.

* Преподаватель института непрерывного образования Московской государственной юридической академии имени О.Е. Кутафина. [svetit7@rambler.ru]

¹ Словарь иностранных слов. М., 1988. С. 247.

и Большой российский энциклопедический словарь². А вот какое определение константы содержится в словаре русского языка С.И. Ожегова: константа – постоянная величина в ряду изменяющихся³. Слова «константность» и «константный» в Большом академическом словаре русского языка значатся в понимании как «неизменяемость (неизменный), постоянный, устойчивый»⁴.

Что можно назвать константой для Российского государства XIX в.? Углубляясь в рассмотрение предмета и изыскивая начала, составляющие постоянные величины России (а каждая земля, каждый народ имеет таковой Палладиум), ясно, что таковых начал – сверхценностей, без которых Россия не может благоденствовать, усиливаться и существовать, – три: 1) православная вера; 2) самодержавие; 3) народность. Эти три неизменные величины исходят из накопления, сохранения, а в дальнейшем и передачи духовных и государственных ценностей жизни от поколения к поколению, т.е. из традиции (от лат. *traditio* – передача, предание).

Традиции – это нормообразующее явление в человеческой жизни, зародившееся еще в первобытном обществе, понятие нормы тесно связано с понятием традиции, любая норма входит в человеческое сознание и практику жизни через традицию⁵. Это касается всех норм. Возникает вопрос: а может человек существовать без нормы? Человек, который утрачивает свои нормы бытия, утрачивает свою самоидентификацию, и, когда мы себя самоидентифицируем как личность, или как общество, или как государство, мы всегда оперируем нормами, исходящими из нашей традиции. А что происходит, если разрушаются нормы, если разрушается традиция? Происходит саморазрушение идентификации личности, общества, государства цивилизации⁶.

Традиции Российского государства претерпели очередной надлом с началом XIX в. С приходом к царствованию Николая I ситуация стала меняться. Огромное влияние на политику самодержавия во второй четверти XIX в. оказало восстание декабристов, ярко продемонстрировавшее кризис в отношениях власти и общества. Осознавая необходимость преобразования назревших проблем, Николай I ставит первоочередной задачей сохранение и укрепление существующего политического режима, одновременно актуализируется проблема контроля над развитием общественной мысли в России, выдвигается на первый план политическая составляющая воспитания общества. В стране складывается система эффективного государственного контроля над деятельностью образовательных учреждений всех уровней. Революционные движения в Европе 1830–1831 гг. (революции во Франции, Бельгии, восстание в Царстве Поль-

² Большой российский энциклопедический словарь. М., 2003. С. 727.

³ Словарь русского языка Ожегова С.И. М., 1995. С. 285.

⁴ Большой академический словарь русского языка. Том 8. М., СПб., 2008. С. 368.

⁵ Морозова Л.А. Теория государства и права в вопросах и ответах. М., 2006. С. 28–30.

⁶ *Митрополит Кирилл*. Традиция и норма. Константы русской политической культуры. М., 2007. С. 81–84.

ском) также стали дополнительным фактором, усилившим консервативное направление в политике самодержавия и укрепили Николая I в мыслях об опасностях революционных событий; в связи с этим ограничивается выезд русских за границу. Необходимо было создать идеологическую модель просвещения. Выразителем воли Николая Павловича выступил министр просвещения С.С. Уваров. При разработке формулы он опирался на политические взгляды Н.М. Карамзина и царский манифест, последовавший после 14 декабря 1925 г. Именно С.С. Уваров обосновал модель и впервые официально высказал идею, «что образование правильное, основательное, необходимо в нашем веке с глубокими убеждениями и теплою верою в истинно русские охранительные начала православия, самодержавия, народности, составляющие последний якорь нашего спасения и важнейший залог силы и величия нашего отечества»⁷. В основе идеи лежали консервативные взгляды на просвещение, науку, литературу. Согласно этой теории, русский народ глубоко религиозен и предан престолу, а православная вера и самодержавие составляют неперемennые условия существования России. Теория доказывала, что в самодержавии России сохраняется «лучший порядок вещей». Эти три элемента, считал историк М.П. Погодин, были поставлены во главу угла воспитания русского юношества⁸, по выражению М.П. Погодина, указанные С.С. Уваровым коренные начала – это «твердые, крепкие столпостены, на которых над державою Мономахова потомства Святая Русь удержалась, удерживается и удержится до тех пор, пока они не будут поколеблены в своих заветных, священных основаниях»⁹. М.М. Шевченко заметил, что триада С.С. Уварова представляла собой интерпретацию призыва «За веру, царя и отечество»¹⁰, но какое бы значение ни приобретала уваровская формула, она стала платформой, обеспечивающей устойчивость российской государственности. Проводниками этой теории были профессора Московского университета С.П. Шевырев, Н.Г. Устрялов и иные известные люди этого времени – О.И. Сенковский, Н.И. Греч и Ф.В. Булгарин, М.Н. Загоскин и Н.В. Кукольник. Позднее историк А.Н. Пыпин назвал эту формулу «теорией официальной народности»: «Россия есть совершенно особое государство и особая национальность, непохожие на государства и национальности Европы... К ней совершенно неприменимы требования и критерии европейской жизни. В ней одной господствует истинный порядок вещей, согласный с требованиями религии и истинной политической мудрости»¹¹. «Православие, Самодержавие, Народность» – это сфор-

⁷ Уваров С.С. Избранные труды. Отчет по обозрению московского университета (4 декабря 1832 г.) . М., 2010. С. 300.

⁸ Барсуков М.П. Жизнь и труды М.П. Погодина. СПб., 1891. Т.4. С. 1.

⁹ Там же. С. 2.

¹⁰ Шевченко М.М. Конец одного величия: власть, образование и печатное слово в Императорской России на пороге освободительных реформ. М., 2003. С. 68.

¹¹ Пыпин А.Н. Характеристики литературных мнений от двадцатых до пятидесятых годов. СПб., 1873. С. 82–83.

мированный духовно-политический идеал, к которому должна была стремиться Российская империя. Сердцевинной триады стала особая концепция исторического развития России и в дальнейшем.

«Православие» – это первый элемент русской триады. С.С. Уваров дал характеристику этой части: «Исконно и глубоко привязанный к Церкви отцов своих, русский искони взирал на нее как на залог счастья общественного и семейственного. Без любви к вере предков народ, как и частный человек, должен погибнуть. Ослабить в них Веру – то же самое, что лишать их крови и вырвать сердце. Это было бы готовить им низшую ступень в моральном и политическом предназначении»¹². И в годы царствования Николая I начинается постепенное возвращение и укрепление традиционно значительной роли Русской Церкви в политической и общественной жизни России. В своде законов Российской империи 1833 г. были провозглашены принципы защиты православной веры. В правлении Николая I государственная власть приняла ряд мер, улучшивших материальное положение монастырей и сельских приходов. В 1839 г. воссоединились греко-униатская церковь с православной.

Следующей составной частью триады С.С. Уварова было «самодержавие», в отношении которого у С.С. Уварова была своя точка зрения: «Самодержавие составляет главное условие политического существования России. Русский Колосс опирается на самодержавии, как на краеугольном камне; рука, прикоснувшаяся к подножию, потрясает весь состав Государственный... Спасительное убеждение, что Россия живет и охраняется духом самодержавия сильного, человеколюбивого, просвещенного, должно проникать в народное сознание и с ним развиваться»¹³.

Здесь следует отметить, что, начиная с Киевской Руси, становление отечественной политико-правовой мысли во многом было обусловлено необходимостью молодого русского государства, принявшего христианство и вошедшего в международную систему государств, определить свое место, роль, цели в мировой политике, обосновать принципы организации и пределы государственной власти и ее отношение с церковью¹⁴. Идеи самодержавия стали развиваться с момента формирования Древнерусского государства. После Хазарского каганата и установления независимости древнерусское государство находилось под политическим и культурным влиянием Византийской империи. Подобное влияние способствовало укреплению русской государственности. В.О. Ключевский отмечал, что из Византии «вместе с христианством стала проникать на Русь струя новых политических понятий и отношений. На киевского князя пришлое духо-

¹² Уваров С.С. О некоторых общих началах, могущих служить руководством при управлении Министерством народного просвещения// Река времён. Книга истории и культуры. Кн.1. М., С.71.

¹³ Там же.

¹⁴ Корнев А.В., Борисов А.В. Государственно-правовая мысль и юридическое образование в дореволюционной России. М., 2012. С. 10.

венство переносило византийское понятие о государе, поставленном от Бога не для внешней только защиты, но и для установления и поддержания внутреннего общественного порядка»¹⁵. И Ярослав Мудрый, и князь Владимир были «единодержцами». А.В. Корнев полагает, что принятие христианства на Руси по воле великого князя Владимира можно считать первой в среде многочисленных «реформ сверху» в нашей стране¹⁶. Примерно через 800 лет, продолжая заложенную им традицию прославления «единодержавства», Н.М. Карамзин утверждал, что «самодержавие есть палладиум (залог процветания и благополучия у древних греков) России; целость его необходима для ее счастья...»¹⁷. Историческая концепция самодержавной власти, сформулированная Н.И. Карамзиным еще в начале XIX в., рассматривала самодержавие в качестве института, стоявшего над классами и сословиями. Основными тезисами этой доктрины были следующие положения: «Самодержавие есть палладиум России», а государь – «единственный законодатель, единственный источник властей»¹⁸. В законах Российской империи закреплялось правило: «Повиноваться верховной власти не токмо за страх, но и за совесть сам Бог повелевает»¹⁹. Но это не означало, что полнота власти самодержца является для него источником вседозволенности, напротив, данная власть помогает исполнить ему свой долг и стать образцом служения правде.

Вообще термин «самодержавие» применительно к власти и титул «самодержавный» появляются после освобождения русских земель от татарского ига и возникновения Московского царства. Впервые самодержцем стал официально титуловаться Великий князь Иоанн III Васильевич²⁰. Этот титул подчеркивал самостоятельность и обособленность русского царя от татарских ханов. А после завоевания Казани и Астрахани это слово было принято и Иваном IV Грозным²¹. С этимологической позиции слово – «самодержавие» (др.-рус. словообразоват. калька греч. *autokrateia* (*auto* – само, – *krat* – держав, – *eia* – ие)²² включает в себя две основы: первая из них «сам» – владычество, могущество, которая в древнерусской литературе была синонимом власти и управления; вторая – «держав» – означала силу, владычество, могущество. «Отсюда, – писал профессор И.Т. Тарасов, – из состава слова «самодержавие» ясно, что этим термином определяется

¹⁵ *Ключевский О.В.* Русская история. Полный курс лекций. М., 1993. Т. 1. С. 87.

¹⁶ *Корнев А.В., Борисов А.В.* Государственно-правовая мысль и юридическое образование в дореволюционной России. М., 2012. С. 14.

¹⁷ *Карамзин Н.М.* Записки о Древней и Новой России. М., 1991. С. 105.

¹⁸ *Карамзин Н.М.* Указ. соч. С. 131.

¹⁹ Российское законодательство X–XX веков. Законодательство эпохи буржуазных демократических революций. Т.9. М., 1994. С. 47.

²⁰ *Комова Н.Б.* Концептуальные и идейно-теоретические основы монархической государственности в России: монография. М., 2009. С. 36.

²¹ *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. 3. Муза-Сят. М., 1987. С. 553.

²² Там же. С. 553.

высшая, неограниченная верховная власть, рядом с которой нет и не может быть никакой другой равнодержавной власти»²³. Российский правовед П.Е. Казанский считал, что самодержавие есть «обладание властью в силу собственного могущества», это означало, что российский монарх не избирался по воле народа, но получал власть непосредственно от Бога, поэтому он назывался «Царь Божией милостью» и считался «природным государем»²⁴. В.О. Ключевский справедливо заметил, что «под ним (словом «самодержец». – Прим. авт.) разумели правителя, не зависящего от посторонней, чужой власти, самостоятельного; самодержцу противоположали то, что мы назвали бы вассалом, а не то, что на современном политическом языке носит название конституционного государя»²⁵. В общественном самосознании в связи с этим складывалась мысль о внешней независимости страны.

Третье составляющее формулы – понятие «народность» осталось без какой-либо характеристики, открывая возможность для широкой трактовки общенациональной идеологии народности. Тем не менее Уваров подчеркнул: «Народность не состоит в том, чтобы идти назад или останавливаться; она не требует неподвижности в идеях. Государственный состав, подобно человеческому телу, перемещает свой состав по мере возраста: черты изменяются с годами, но физиономия изменяться не должна. Неуместно было бы противиться этому периодическому ходу вещей; довольно, если мы сохраним неприкосновенным святилище наших народных понятий; если примем их за основную мысль правительства, особенно в отношении к отечественному воспитанию...»²⁶. Под «народными понятиями» следует понимать самодержавие и православие. Возможно, С.С. Уваров предлагал видеть в этой фразе принцип воспитания подрастающего поколения на народных началах и приобщать юношество к «святилищу народных понятий». Однако А.Н. Пыпин был категоричен и однозначен по отношению к «народности»: «Слово «народность», употребленное в официальной программе... был эвфемизм, обозначающий собственно “крепостное право”»²⁷. За основу своих высказываний он взял такой факт: в 1832 г., посещая московский цензурный комитет, С.С. Уваров дал указания по работе с печатью: «Политическая религия имеет свои догматы неприкосновенные, подобно христианской религии; у нас они – самодержавие и крепостное право; зачем же их касаться, когда они, к счастью России, утверждены сильной и крепкой рукой»²⁸. В дальнейшем и иные значимые люди эпохи пытались интерпретировать понятие «народность» в уваровской

²³ Тарасов И.Т. Самодержавие и абсолютизм. М., 1917. С. 7.

²⁴ Казанский П.Е. Власть Всероссийского Императора. Одесса, 1913.

²⁵ Ключевский В.О. Боярская дума Древней Руси. СПб., 1919. С. 244–245.

²⁶ Уваров С.С. Десятилетие Министерства народного просвещения. 1833–1843. СПб., 1864. С. 3–4.

²⁷ Пыпин А. Н. История русской этнографии. Т. 1. СПб., 1890. С. 380–382.

²⁸ Ивановский А. Д. Иван Михайлович Снегирев. Биографический очерк. СПб., 1871. С. 113–115.

триаде: С.А. Венгеров²⁹, А.А. Корнилов³⁰, А.Е. Пресняков³¹, М.А. Полиевктов³². И в архитектурных веяниях проявлялись основные черты охранительной идеологии. Архитектор К.А. Тон по указанию императора приступает к строительству храма Христа Спасителя. Проект К.А. Тона возрождает древнюю, средневековую отечественную художественную традицию. В храме Христа Спасителя все символично и направлено на выражение идеи народности, все было подчинено тому, чтобы сделать памятник Отечественной войны 1812 г. памятником русской национальной истории и главным храмом России. После создания храма Христа Спасителя по всей России получает распространение строительство церквей в русском стиле.

Идея построения храма-памятника воскрешала древнюю традицию обетных храмов, возводившихся в знак благодарности Богу за дарованную победу и в вечное поминовение о погибших. Традиция известна еще с домонгольских времен: Ярослав Мудрый воздвиг Софию Киевскую на месте битвы с печенегами. Эпоха Куликовской битвы ознаменовалась построением множества храмов в честь Рождества Пресвятой Богородицы – праздника, выпавшего на день сражения православного воинства с полчищами Мамай. В Москве в память о павших на берегах Непрядвы и Дона соорудили храм Всех святых. О воинских победах и жертвах войны напоминали и храмы на Красной площади: собор Покрова на рву (более известный под именем Василия Блаженного), сооруженный Иваном Грозным в память о победе над Казанским ханством, и собор во имя Казанской иконы Божией Матери, напоминающий о подвиге русских патриотов XVII столетия и об освобождении Москвы от польско-литовских захватчиков³³.

И, по-видимому, если мы сегодня хотим усовершенствовать наши представления об истории российского консерватизма XIX столетия, мы должны четко различать три взаимосвязанных, но не совпадающих явления:

- личное мировоззрение С. С. Уварова и его эволюцию;
- лозунг «Православие, Самодержавие (официально – везде именно в таком, а не в ином порядке!), Народность» как факт внутренней политики самодержавия эпохи Николая I;
- консервативные концепции своеобразия русского исторического пути, возникшие в 1830-е гг. как факт истории общественной мысли.

²⁹ Венгеров С.А. Пыпин (Александр Николаевич) // Энциклопедический словарь. Т. XXV(а). СПб., Ф.А. Брокгауз, И.А. Эфрон, 1898.

³⁰ Корнилов А.А. Теория «официальной народности» и внутренняя политика Николая I // Книга для чтения по истории Нового времени. Т. IV. Ч. II. М., 1914. С. 86, 90, 99, 102, 105–106, 118.

³¹ Пресняков А. Е. Апогей самодержавия. Николай I // Он же. Российские самодержцы. М., 1990. С. 295.

³² Полиевктов М. А. Николай I. Биография и обзор царствования. М., 1918. С. 202–204, 228–229, 240.

³³ История Храма // <http://www.xxc.ru/history/index.htm> (последнее посещение – 01.04.2012 г.).

От употребления термина «теория официальной народности», мне кажется, целесообразно отказаться. Он, пожалуй, не столько объясняет консервативные тенденции в российской истории XIX – начала XX вв., сколько запутывает или блокирует их серьезное изучение.

Константа «Православие». Православная вера – это основа культурного и нравственного развития человека и общества в целом: потеря религиозного чувства ведет к саморазрушению личности и ее духовной гибели.

Что такое традиция на языке философии и на языке политического мышления? Это консерватизм. Консервация сохранения. В массовом сознании до недавнего времени консерватизм был почти ругательным словом. Консерватизму противопоставлялось нечто новое, прогрессивное, обращенное в будущее. Сейчас настало время переосмысления понятия консерватизма. Русская политическая мысль всегда включала в себя идею консерватизма. Что такое консервативное начало, можно показать на примере Церкви. Церковь призвана сохранять традицию – мы в данном случае используем русское слово «предание»: в переводе на русский язык это и будет традиция. Церковь сохраняет предание, но что же надо делать, чтобы эта истина усваивалась разными народами, как можно передавать эту истину и как сохранять? Задача и миссия Церкви заключается в том, чтобы каждому последующему поколению людей передать незыблемый корпус идей, но передать его на языке, понятном для современного человека. Консерватизм заключается в том, что послание Церкви, несмотря на то, что его содержанием являются истины, уходящие в глубочайшую древность, было актуально для людей. Консерватизм, если он желает быть актуальным, понятным, творческим и созидательным, должен всегда сохранять то ценное, что для людей является непреходящим, но сохранять таким образом, чтобы ценное и непреходящее всегда было понятно и актуально для каждого последующего поколения³⁴.

Разрушение традиций. Традиции – это нормообразующее явление в человеческой жизни. Понятие нормы тесно связано с понятием традиции, любая норма входит в человеческое сознание и практику жизни через традицию. Это касается всех норм. Возникает вопрос: а может человек существовать без нормы? Человек, который утрачивает свои нормы бытия, утрачивает свою самоидентификацию, и, когда мы себя самоидентифицируем как личность, или как общество, или как государство, мы всегда оперируем нормами, исходящими из нашей традиции. А что происходит, если разрушаются нормы, если разрушается традиция? Происходит саморазрушение идентификации личности, общества, государства, цивилизации. Чтобы сломать национальную самоидентификацию, России нужно было просто отказаться от традиции³⁵.

³⁴ Митрополит Кирилл. Константы русской политической культуры. М., 2007. С. 33–34.

³⁵ Митрополит Кирилл. Традиция и норма. Константы русской политической культуры. М., 2007. С. 81–84.